

Эдичка Лимонов как зеркало новой русской революции

Есть люди заведомо плохие. И есть люди заведомо хорошие. К заведомо плохим в нынешней системе идеологических ценностей относится В. И. Ленин. К заведомо хорошим — скажем, Маргарет Тэтчер или патриарх Алексий.

Писатель Эдуард Лимонов — заведомо плохой человек.

Писатель Василий Аксенов — человек заведомо хороший.

Эдичка Лимонов — националист, сталинист, гомосексуалист и вообще большой пошляк.

Василий Павлович Аксенов — диссидент, эмигрант и шестидесятник. В общем, правильный и хороший писатель.

А выделили мы их из всей массы хороших и плохих человечков, шатающихся по нашему бренному миру, только затем, чтобы, сравнив их мировоззрения, доказать, насколько хорош Василий Павлович и плох эта сволочь Эдичка. А если такового результата мы вдруг не достигнем, значит сравнение наше было некорректным и неправильным, и любой демократически мыслящий человек может провести его сам в пользу того, кто ему больше нравится.

Существовать в роли Заведомо Плохого Человека, может быть, и интересно, но достаточно трудно. Вот, например, все ругали Лимонова за матерные слова, описания половых актов и прочую пакость, которую выдает он нам на своих страницах. Хотя те же самые словечки и всякие ненормативные сцены (не обязательно сексуальные и, может быть, не в таких ко-

личествах) присутствуют и у Венечки Ерофеева, и у Юза Алешковского, и еще у целого ряда покрывающих бумагу кабалистическими знаками товарищей. Впрочем, простите — какие могут к ним быть претензии. Их герои борются с Системой (командно-административной, казарменной, тоталитарной или как она там еще у нас называется). Вот если бы герои Эдички или даже он сам занимались теми же нехорошими действиями с женщинами и мужчинами не просто так, а яростно или хотя бы пассивно борясь с коммунистами и их приспешниками, то, наверное, давно получили бы у нас хотя бы кусочек индальгенции.

Но это так, кстати. А интересно для нас Аксенов с Лимоновым тем, что являются они выразителями определенных унастроений. Василий Павлович является шестидесятником. И не просто шестидесятником, а чистым шестидесятником. А эти самые шестидесятники в общем-то и создали господствующую ныне в умах властей и на страницах печати идеологию: то есть именно они сказали нам, что же делать можно, а чего — нельзя.

Лимонов, как известно, единственный, пожалуй, идеолог оппозиции. Остальные наши оппозиционеры оказались как-то на теоретическое или образное осмысление действительности неспособны.

Оба литератора пишут, кроме статей еще и, естественно, книжки, и все свои настроения проявляют в них ярко и недвусмысленно. А сравнивать их удобно еще и потому, что оба они

пожили как в Союзе, так и на Западе, что и отразили в своих опусах.

Говорить много об идеях шестидесятников не требуется, поскольку за последние годы пропагандировались они чрезвычайно широко. Это — рынок, капитализм, общечеловеческие ценности, а в качестве идеала — американский образ жизни.

Делать жизнь с кого, спросите вы у господина шестидесятника Аксенова. И он ответит вам: Россия должна делать жизнь с США, поскольку все ее штатовское богатство «создано колоссальным трудом народа, предпринимательством дельцов, пафосом строительства сильного, но либерального общества».

В противовес Америке шестидесятник ненавидит почивший СССР и не до конца добитый коммунизм.

«Америка, — опять-таки пишет Аксенов, — это новая альтернатива тошнотворному делу социальной революции, восстанию рабов против господ. Прошедшие тридцать лет развеяли многие мои (аксеновские) иллюзии, но в этом я неколебен: еще может возникнуть свежий мир либерализма и благородного неравенства. Слава Богу, во главе этого движения стоит могучая Америка».

Как известно (а нашим людям ныне это уже известно), путь в капитализм предполагает легкое разделение на богатых и бедных. Аксенов эту проблему некоторого социального неравенства решает так: присутствие элиты богатых делает жизнь интереснее и азбавнее. Неравенство благотворно. В

(ОКОНЧАНИЕ НА 3-й СТ.)

10.10.92

Синерга. - Санкт-Петербург - 1992 - 10 окт

Рисунок
В. СЕМЕРИНКО
Копляк
Е. ТИМОШЕНКО

Эдичка Лимонов как зеркало новой русской революции

Синерга. - Санкт-Петербург - 1992 - 10 окт

«Чегевары». А чегеваров шестидесятники не любят. Особенно Аксенов почему-то не любил Габриэля Гарсиа Маркеса, который, как и другие антиамериканисты, «является врагом свободы и другим мировым концлагерем». Нобелевский лауреат Маркес — левая, левее, по утверждению Аксенова, если перевернуть, можно увидеть только живот его личного друга Фиделя Кастро. Надо обладать особой вульгарностью Маркеса, говорит Василий Павлович, чтобы быть настолько заблокированным дешевой и устаревшей левой идеей.

В общем «левое» — заведомо плохо, «правое» — хорошо.

Взгляд Лимонова на проблему «левизны» в обществе: все бедные — революционеры и преступники. Только не каждый находит путь. Не каждый решается. Как гласит один из самых гордых лозунгов нашей неудавшейся русской революции: «Право на жизнь выше права частной собственности».

Вообще, сравнивать американские впечатления наших литераторов достаточно забавно.

Аксенов: западная цивилизация является последней фортецей здравого смысла. А все разнузданное — от третьего мира: половые извращения, наркомания, мастурбирующие ритмы (и это все, наверное, о нем. О Лимонове).

Лимонов: я ненавижу цивилизацию, в которой монстры равнодушия говорят: «Это твоя проблема».

Даже встречаясь с чем-то нехорошим в любимом капиталистическом мире, Аксенов тут же спихивает это нехорошее на происки неплюбимого социализма. Например, ухудшение сервиса и культура в Штатах (Аксенову десять дней укорачивали пиджак — и полтора месяца доставляли купленную мебель, и при этом еще и хамили) —

означает наступление социализма на капитализм и требует настоятельной необходимости Америке вернуться к первичным (капиталистическим) отношениям. Столкнувшись с теми же проблемами эмигранты-литераторы Петр Вайль и Александр Генис (купили полки для книг, части которых привезли через две недели и из которых можно было собрать разве что гроб) после всестороннего анализа объясняют происходящее множеством причин: разрывом прямых связей производителем — покупателем, шаблонным массовым производством и — падением культуры в Америке. А какого-либо участия социализма в деградации капиталистической промышленности не находят.

Хотя что такое социализм, каждый понимает по-своему. Для шестидесятников он — источник вселенского зла. Капитализм же — практически вне критики. Аксенов, например, отвечая на упреки в его (капитализма) адрес, говорит: капитализм если и остановился в своем развитии, как его часто обвиняют, то только потому, что дальше некуда идти. Капитализм привел людей в тупик процветания, сделал роскошь достоянием масс. Дальнейшее развитие капитализма может идти к улучшению массового вкуса.

Впрочем, даже если бы все эти замечания в чудодейственности развитого капитализма и были бы стопроцентно правильными, всех нас в ближайшем будущем ожидает не этот развитый капитализм, а лишь развивающийся. И в этом самом развивающемся российском капитализме социальные противоречия, столь чутко воспринимаемые Лимоновым, не будут сглажены доставшейся массам роскошью.

На данный момент бунтарский пессимизм Лимонова явно перевешивает наивный оптимизм шестидесятников.

Конечно, из лозунгов «Дашь неравенство — залог прогресса!» и «Долой неравенство, загоняющее нас в рабство!» каждый выберет тот, который ему больше нравится. Первый выберут те, кто хочет и может пополнить собой ряды новых богатых русских (терминология газеты «Коммерсантъ»). Те, кто этого не хочет или не может, — потенциальные почитатели второго.

Идеология наших демократов основана на вере. Вере, выглядящей при ее практической реализации достаточно наивно. Что, конечно, не преминул заметить и товарищ Лимонов, побывавший на парижском выступлении известного демократа Юрия Афанасьева. Когда последнего спросили, как он относится к приватизации, Афанасьев сказал: «Я не знаю, как ее проводить, но я — за приватизацию».

Лучше застойное, но стабильное общество, чем энергичные катаклизмы — таков вывод Лимонова, который пятнадцать лет назад писал: энергии и фантазии у наших диссидентов (взгляды которых путанны и малореальны) столько, что они явно будут представлять опасность для общества, если придут к власти. Их политические и социальные эксперименты опасны тем более, чем более у них фантазии и энергии.

В условиях дальнейшего расхождения и обнищания общества (а куда от этого деться?) люди уже через какое-то непродолжительное время перестанут верить в тот идеал, который пытались им подарить вместо утраченного шестидесятники.

Да, демократы-шестидесятники виноваты дважды: разрушив идеал старый — идеал Великой Эпохи, столь любимый Лимоновым, они не привели народ к новому — реализации Великой Американской Мечты, бросив народ где-то посередине. И чем дальше, тем, может быть, с большей ностальгией будет вспоминаться та Эпоха,

которая на самом деле, может, и не была, но по крайней мере казалась великой: когда мы (советские люди) противостояли всему остальному миру; когда общество в целом, пусть местами и сомневаясь, и рассказывая анекдоты, все же думало, что живет оно в великой стране; где даже диссиденты ощущали себя великими диссидентами — потому что они в одиночку боролись с Великой и Несокрушимой Властью.

В общем, с общественным сознанием в годы застоя, как это ни парадоксально, дело обстояло куда лучше, чем теперь. Нет великой страны. Нет великой власти. Нет великого противостояния. И даже Лимонов нынче — не великий оппозиционер.

Капиталистический идеал затронул лишь людей, занимающихся бизнесом. Бедные, в полном соответствии с тенденциями Лимонова, остаются потенциальными революционерами. И присутствие богатой элиты вряд ли сделает их жизнь забавнее и интереснее.

Уж не стоит и говорить о мелочах, естественно, отмечаемых Лимоновым. Мелочах типа ностальгии по бесплатному образованию и медицине, пусть плохим, но — для всех, а не хороших и платных, но — для избранных.

Лимонов заявляет: какое же нужно иметь недемократическое презрение к народу, чтобы обвинять его в отсталости ментальности. Следовательно, десятков тысяч демократов имеют право ментальности миллионов людей. Если они не хотят рисковать и зарабатывать больше денег, насилуяты их — преступление.

Действительно преступление? Может ли власть идти против ментальности народа? Может. Ментальность народа можно и нужно менять, пока народ молчит. А он молчит. Но только пока.

Впрочем, предчувствие бунта вовсе не означает отказа от тех радикальных реформ, о необходимости которых так долго говорили шестидесятники. А означает лишь необходимость формирования идеологии и сознания, в которых бы эти радикальные реформы гармонично вписывались. Обществу нужна великая идея. Может быть, даже не идея, а ощущение великой страны и великой эпохи.

Идеология шестидесятников по своей явной наивности чертовски устарела. Она была и осталась идеологией оппозиции коммунизму-социализму, бороться с которым можно, конечно, вечно, но лучше называть эту борьбу уже не делом жизни, а хобби.

И философия Лимонова — по крайней мере один шаг вперед по сравнению с шестидесятничеством.

Что опять-таки не означает, что идеям оппозиции надо следовать. Потому что в плане практическом Лимонов даже более декларативен, чем его оппоненты: национальное правительство, сформированное оппозицией, обратится к немедленному удовлетворению нужд нашего народа: хлеб, одежда, жилище, безопасность.

Откуда оно все это возьмет? Наверное, закупит на гонорары самого Лимонова? Претензии Лимонова к шестидесятникам так хороши, что применимы и к нему самому. Он обвиняет демократов в отсутствии реализма, например, в национальном вопросе: нельзя исходить лишь из веяний времени, согласно которому независимости и самоопределения достойны все народы и национальные группы, будь их всего ничего, даже полтора человека. Если не вмешиваться и все сепаратистам позволить, то у нас начнется процесс средневековой: каждый город и каждая деревня превратится в бандитскую республику со своим президентом. Исходя из своих утопических ценностей и борясь за власть, демократы растащили и развалили бедный и великий Союз. Бедный Эдичка, сколько же сил придется потратить ему, чтобы собрать такую армию, которая соединила бы все это обратно.

Итак, Лимонов победил Аксенова, но еще не победил Ельцина, хотя ему очень этого хочется и, может быть, даже кажется, что победа близка. Стоит ли Ельцину бояться Лимонова? Нет, не стоит — хлипкий интеллигент в честном поединке против могучего президента не выстоит и пары минут. А вот сколько он (президент) продлится против стихийного взрыва, предвещаемого заведомо нехорошим Эдичкой?

Пока против российского бунта не мог устоять никто. (Тот же, кстати, повод для осознания себя великой нацией).

Сергей БАЛУВ